

УДК 82-4

Д. А. Беляков

ст. преподаватель каф. отечественной и зарубежной литературы МГЛУ;
e-mail: d_belyakov@bk.ru

«ЧЕЛОВЕК РАВНОВЕСИЯ»: О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ТОМАСА МАННА

Статья посвящена анализу политических взглядов Томаса Манна, осуществляемому с опорой на ряд малоизученных отечественным литературоведением источников. К их числу относятся дневники, письма, публицистические работы классика немецкой литературы, а также исследования немецкоязычных филологов. Особое внимание уделяется закономерностям эволюции восприятия писателем общественно-политической реальности. Неоднократно подчеркивая, что политика – не предмет его практического и художественного интереса, Т. Манн по воле истории лишается возможности оставаться от нее в стороне. Делается вывод, что писатель, подобно своему герою Хансу Касторпу, всегда стремился оставаться «господином противоположностей».

Ключевые слова: Томас Манн, эволюция политических взглядов; общественно-политическая публицистика; Первая мировая война; Вторая мировая война; «холодная война».

D. A. Belyakov

Senior Lecturer, Department of Russian and World Literature, MSLU;
e-mail: d_belyakov@bk.ru

«MAN OF EQUILIBRIUM»: ON THOMAS MANN'S POLITICAL VIEWS

The article is devoted to analysis of Thomas Mann's political views based on sources which are little known in Russian literary studies. These include diaries, letters, journalistic works of the classic of German literature, as well as studies of German-speaking philologists. Particular attention is paid to the evolution of Thomas Mann's perception of socio-political reality. Repeatedly stressing that politics is not the subject of his practical and artistic interest, Th. Mann, by the will of history, is deprived of the opportunity to stay away from it. It is concluded that the writer, like his hero Hans Castorp, always aspired to remain «the master of opposites».

Key words: Thomas Mann; evolution of political views; political essays; World War I; World War II, «Cold War».

Т. Манн неоднократно указывал на то, что социально-политическая сфера – не предмет его практического и художественного интереса [Mann 1995, с. 238]. Однако драматические повороты мировой истории в первой половине XX в. лишили ответственного художника возможности оставаться в стороне от политики. Цель статьи заключается в том, чтобы обозначить основные вехи эволюции политических взглядов Т. Манна, опираясь на его публицистические статьи, письма, дневники, а также некоторые релевантные работы немецкоязычных исследователей.

Начало истории вопроса датируется последним десятилетием XIX в.: именно тогда происходит включение Т. Манна в социально-политический дискурс. В 1895–1896 гг. молодой автор, по приглашению старшего брата Генриха, сотрудничает с националистическим и откровенно антисемитским журналом «Двадцатый век» («Das zwanzigste Jahrhundert»). Т. Манн опубликовал в нем 8 небольших заметок – преимущественно рецензий, в целом далеких от политических и расовых вопросов. Однако в дальнейшем, обретя известность как писатель, Т. Манн умалчивал о юношеских пробах пера, очевидно отдавая себе отчет в дискредитирующем характере их «диалогизирующего фона» (М. М. Бахтин)¹. Эти его ранние тексты были обнаружены лишь в 1964 г. [Stammen 2005, с. 19–20].

Начало Первой мировой войны становится важным переломным моментом в творчестве писателя. В августе 1914 г. он прерывает работу над романом «Волшебная гора» и обращается к новому для себя жанру политической публицистики. В течение последующих месяцев из-под пера Т. Манна выходят несколько милитаристских эссе, намечающих контуры его консервативно-националистической позиции. Именно к журналу «Двадцатый век» в значительной степени восходит их лексика и стилистика. Так, в статье «Мысли во время войны» («Gedanken im Kriege») военные действия рассматриваются в контексте «очищения», «освобождения» и «величественного единения нации»; «права немцев быть и действовать» [Mann 1990, с. 533, 535].

Системно изложить позицию консервативного образованного бюргера (Bildungsbürger) было призвано начатое в октябре 1915 г.

¹ Заметим, что это характерный для дальнейшей жизни и творчества писателя мотив «защитной амнезии».

и с трудом завершённое в феврале 1918 г. 600-страничное эссе «Размышления аполитичного» («Betrachtungen eines Unpolitischen»), послужившее причиной длительных дискуссий, как в современной Т. Манну, так и в более поздней критике. «Аполитичность» автора книги объясняется тем, что в его понимании «политика» есть синоним «цивилизации» и «демократии» – чуждых Германии начал, противопоставляемых воплощающим немецкий дух «культуре» и «искусству». Именно против них, против этого особого немецкого пути, направлена, согласно Т. Манну, борьба Запада.

Ключом к пониманию природы этого и последующих противоречивых политических суждений и поступков Т. Манна служат, на наш взгляд, его слова, адресованные Карлу Кереньи в письме от 20 февраля 1934 г.: «Я человек равновесия. Я инстинктивно склоняюсь влево, когда лодка дает крен вправо, и наоборот...» [Манн 1975, с. 63]. В рамках этой логики импульс инерционно-консервативной позиции писателя придали бесспорный кризис кайзеровского режима и общеевропейский тренд («крен») на демократизацию общественно-политической жизни.

Очевидно, что первоначальный замысел Т. Манна разошелся с воплощением. Изданная уже по окончании войны книга оказалась не выверенным политическим манифестом, а своего рода исповедью – отражением мучительного процесса самоидентификации художника, оказавшегося на пороге смены культурно-исторической парадигмы. Неслучайно писатель задавался вопросом: «Не есть ли мировой слом самое время для каждого заглянуть в себя, посоветоваться с совестью, провести генеральную ревизию своих основ?» [Манн 2015, с. 63].

В октябре 1922 г., спустя всего четыре года после выхода «Размышлений аполитичного», Т. Манн выступает с речью «О немецкой республике» («Von deutscher Republik»), в которой неожиданно для многих объявляет себя приверженцем последней. Принято считать, что речь едва ли идет об искренней и концептуальной смене убеждений [Fest 1981; Stammen 2005]. Скорее писатель в известном смысле преодолевает себя, поскольку с 1918 г. настороженно наблюдает за подъемом праворадикальных экстремистских движений, проповедующих в том числе и изложенные им в «Размышлениях» взгляды. Решающим моментом стало, по всей видимости, убийство министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау, совершенное в июне

1922 г. ультраправыми боевиками из организации «Консул». Всю неоднозначность отношения художника к собственному эссеистическому труду середины 1910-х гг. подтверждает тот факт, что для подготавливаемого в 1927 г. собрания сочинений «Размышления» были сокращены на тридцать страниц, а в первое послевоенное собрание сочинений и вовсе не были включены.

С течением времени Т. Манн начинает воспринимать «Размышления аполитичного» как неизбежный этап своего духовного развития, который *необходимо* было преодолеть. «Самопознание, – подчеркивал писатель в 1940 г., ретроспективно обозревая свой собственный путь, – представляет собой в большинстве случаев первый шаг к внутреннему перерождению. <...> Человек, познавая себя, никогда не останется вполне таким же, каким был прежде» [Mann 1990, с. 161].

Этот пункт позволяет Х. Вискирхену провести параллель между Т. Манном и Ф. Ницше. Как и Ницше, Манн создает «второе Просвещение», которое, вбирая в себя и перерабатывая консервативно-романтическое видение мира, оказывается эстетически и мировоззренчески куда устойчивее и жизнеспособнее, чем «первое Просвещение» с его поверхностным оптимизмом [Wißkirchen 1988, с. 60]. Соглашаясь с исследователем, отметим, что эта модель ляжет в основу значимой для творчества писателя философско-антропологической концепции «нового гуманизма».

Итак, с середины 1920-х гг. Т. Манн регулярно выступает с публичной критикой еще недавно проповедуемых им идеалов так называемой консервативной революции. Более того, он выявляет ее идеологическое родство с укрепляющим свои позиции национал-социализмом. Эволюционирующую точку зрения писателя характеризует также постепенный отказ от оппозиции «цивилизация / культура» во имя более дифференцированного подхода к истории недавней мировой войны, *допускающего* вину немцев в ее развязывании.

В 1930 г. в речи «Воззвание к разуму» («Deutsche Ansprache. Ein Appell an die Vernunft») писатель объявляет себя сторонником социал-демократов. Многие усматривают неразрешимое противоречие в том факте, что потомственный знатный бюргер вербует сторонников для партии рабочих. Однако Т. Манн уверен: СДПГ – единственная сила, способная дать отпор национал-социалистам, другими словами – «равновесие» требует срочного «крена влево».

В начале 1933 г. Т. Манн под совершенно новым для себя ракурсом рассматривает духовную конституцию немецкого бюргерства, «обманывавшего себя утверждением, что можно быть человеком культурным и в то же время аполитичным...» [Манн 1961, с. 165]. Таким образом, подлинная культура представляется теперь писателю немислимой без политики. А между тем до прихода Гитлера к власти остаются считанные недели: дни прежней культуры и прежней политики сочтены. В том же 1933 г. Т. Манн, находясь в зарубежном лекционном турне, получает известие об обыске в его мюнхенском доме и по настоятельному совету детей принимает решение не возвращаться на родину.

Главной причиной более чем трехлетнего отказа Манна публично и недвусмысленно выступить против Третьего рейха, недоуменно воспринятого многими европейскими интеллектуалами, стало, по мнению его биографов [Fest 1981], нежелание терять немецкого читателя. Ведь вплоть до середины 1936 г. книги Манна издавались в Германии, и вследствие этого он, вероятно, не терял надежды найти общий язык с новой властью. Несмотря на приказ о заочном аресте писателя, изданный баварской политической полицией вскоре после обыска в 1933 г. (он обвинялся в антинациональной позиции и приверженности марксистским идеям), власти старались не применять к нобелевскому лауреату 1929 г. жестких санкций. Министр пропаганды Й. Геббельс до последнего надеялся сподвигнуть Манна к возвращению на родину: авторитет писателя возвысил бы образ новой Германии в глазах международного сообщества. Лишь в 1936 г. в *Neue Zürcher Zeitung* выходит статья Т. Манна, обличающая преступный нацистский режим. Писателя незамедлительно лишают немецкого гражданства (действуя на опережение, за месяц до этого, он принимает чехословацкое подданство).

В 1938 г. Т. Манн переезжает в США. Политика Ф. Рузвельта отныне представляется оптимальным воплощением близких ему принципов социальной демократии. Немалую роль в принятии этого решения сыграла новая близкая знакомая писателя – журналист и филантроп Агнес Мейер, американка немецкого происхождения, жена крупного местного финансиста и издателя.

В 1944 г. Т. Манн получает гражданство США и высказывает намерение остаться в Штатах до конца своих дней. Активно выступая

в средствах массовой информации, он, среди прочего, заявляет, что страх перед коммунизмом – наибольшая глупость эпохи¹. Писатель намекает на то, что настоящего врага – Гитлера – западные демократии непростительно недооценили. При этом себя Манн коммунистом не считает. Как «человек равновесия» не считает он себя и подлинным демократом. В одном из послевоенных писем писатель признается, что роль «странствующего проповедника демократии», которую он вынужден был играть перед лицом фашизма, всегда представлялась ему чужаковой. И не без иронии добавляет: во времена своего «реакционного упрямства» он был куда менее банален [Манн 1975, с. 315].

Именуя себя проповедником, Т. Манн имеет в виду прежде всего серию организованных BBC радиообращений к жителям Германии под названием «Немецкие слушатели!» («Deutsche Hörer!»), транслировавшихся с марта 1941 по май 1945 гг. «Предупредить вас, немцы, означает укрепить вас в ваших собственных мрачных предчувствиях», – так начинается Т. Манн одно из первых свои выступлений [Манн 1990, с. 997].

В 1945 г., анализируя в статье «Германия и немцы» («Deutschland und die Deutschen») причины и результаты постигшей страну катастрофы, Т. Манн приходит к выводу, идущему вразрез с позицией большинства эмигрантских групп и довольно болезненно воспринятому внутри Германии. Писатель выступает за принцип коллективной (т. е. опять-таки «равновесной») ответственности: вину за развязывание кровопролитной войны должна нести не только нацистская политическая элита, но и весь немецкий народ, так или иначе поддержавший преступный режим. Именно поэтому писатель призывает не делить Германию на «добрую» и «злую»; «злая» Германия – лишь трагически сбившаяся с пути «добрая» [Манн 1990, с. 1126–1148].

В 1949 г., спустя 16 лет после начала эмиграции, писатель посещает родину, разделенную на оккупационные зоны. Поводом для визита стали торжества в честь 200-летия со дня рождения И. В. Гёте. Т. Манн изменил бы своей натуре, если бы не принял ответственного решения выступить с докладом не только в западногерманском Франкфурте-на-Майне, но и в восточногерманском Веймаре. Отметим символическое

¹ Эти слова по понятным причинам особенно охотно и часто цитировались в советском литературоведении.

значение этого события: Т. Манн, общепризнанный наследник гения Гёте, на какое-то время, пусть только в культурном отношении, воссоединяет многостарадальную Германию.

Надеждам Т. Манна на послевоенное сближение США и СССР, а также взаимообогащение их социально-политических систем не суждено было сбыться. Внешнеполитическая Доктрина Трумэна, предполагавшая радикальный пересмотр рузвельтовской политической парадигмы, вкуче с набирающим ход внутри страны маккартизмом существенно осложняет жизнь писателя в Америке.

В новых условиях «холодной войны» властями США был крайне негативно воспринят вышеупомянутый визит в Веймар. Манну припомнили и его прокоммунистические высказывания. Дошло до того, что в его адрес зазвучали прямые обвинения в пособничестве Советскому Союзу. Был отменен запланированный на апрель 1950 г. доклад в библиотеке Конгресса. В дневнике появилась запись об ощущении «общего кризиса и перелома (Wende)» [Mann 2003, с. 161].

В 1952 г. писатель принимает решение переехать в Швейцарию – страну, в которой он успел пожить и поработать в начале вынужденной эмиграции. До конца своих дней, т. е. в течение последующих трех лет, Т. Манн пытается оставаться своего рода посредником между западным и восточным политическими блоками, ощущая себя при этом чуждым каждому из них.

Й. Рикман назвал роман «Волшебная гора» духовной автобиографией писателя [Rieckmann 1977]. Действительно, подобно своему герою Гансу Касторпу, Т. Манн всегда стремился быть «господином противоположностей», что и определило его творческому наследию заслуженное место в истории литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Манн Т.* Письма. М. : Наука, 1975. 464 с.
- Манн Т.* Размышления аполитичного. М. : АСТ, 2015. 544 с.
- Манн Т.* Страдания и величие Рихарда Вагнера // Собр. соч. : в 10 т. М. : Гослитиздат, 1961. Т. 10. С. 102–173.
- Fest J.* Betrachtung über einen Unpolitischen: Thomas Mann und die Politik // Merkur. 1981. № 8 (399). S. 83–90.
- Mann Th.* Briefe 1889–1936. Frankfurt/M. : Fischer, 1995. 600 S.
- Mann Th.* Gedanken im Kriege // Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt/M. : Fischer, 1990. Bd. 13. S. 527–545.

- Mann Th.* Deutsche Hörer! // Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt/M. : Fischer, 1990. Bd. 11. S. 986–1124.
- Mann Th.* Deutschland und die Deutschen // Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt/M. : Fischer, 1990. Bd. 11. S. 1126–1148.
- Mann Th.* On myself // Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt/M. : Fischer, 1990. Bd. 13. S. 127–169.
- Mann Th.* Tagebücher 1949–1950. Frankfurt/M. : Fischer, 2003. 800 S.
- Rieckmann J.* Der Zauberberg: eine geistige Autobiographie Thomas Manns. Stuttgart : Akademischer Verlag Hans-Dieter Heinz, 1977. 127 S.
- Stammen Th.* Thomas Mann und die politische Welt // Thomas-Mann-Handbuch. Frankfurt/M. : Fischer, 2005. S. 18–53.
- Wißkirchen H.* Nietzsche-Imitatio. Zu Thomas Manns politischem Denken in der Weimarer Republik // Thomas Mann – Jahrbuch 1. Frankfurt/M. : Vittorio Klostermann, 1988. S. 46–62.